

УДК 821.512.141.09

ДУХОВНЫЙ МИР НАРОДА В БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Гареева Г.Н.

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Республика Башкортостан, 450076, г. Уфа, ул. ЗакиВалиди, 32

В статье исследуются особенности художественного отражения духовного мира башкирского народа с древнейших времен до современности. В фольклорных произведениях башкирского народа выражаются основные черты национального характера: доброта, чуткость, человечность, стремление к прекрасному. Поэтический материал XVIII–XIX веков продолжает и в какой-то мере развивает достижения древней поэзии в исследовании духовного процесса, воспроизводит переживания людей, испытавших на себе гнет феодального общества. Более жизненно, полно рисуется человек в произведениях просветительского реализма. Установление принципов критического реализма в начале XX века в башкирской литературе, творческое овладение писателями достижений русской и классической литератур обусловили более полное и всестороннее раскрытие духовного мира персонажей. В годы становления советской литературы – в 1920-1930-е гг. проблема отражения духовного мира народа очень остро стояла на повестке дня. В сложном, противоречивом понимании этой проблемы сыграли свою роль как объективные, так и субъективные факторы.

Ключевые слова: духовный мир народа, психологизм, основные черты национального характера, душевные движения, выразительные детали, художественные средства.

SPIRITUAL WORLD OF NATION IN BASHKIR LITERATURE

Gareeva G.N.

VPO "Bashkir State University", Republic of Bashkortostan, 450076, Ufa, ul. ZakiValidi 32

The article examines the characteristics of artistic reflection of the spiritual world of the Bashkir people from ancient times to the present. In the folklores of the Bashkir people expressed major national traits: kindness, sensitivity, humanity and desire for beauty. Poetic material eighteenth and nineteenth centuries and continues in what – as it develops the achievements in the study of ancient poetry spiritual process reproduces the experience of people who have experienced the oppression of feudal society. More vital, full of people drawn to the works of Enlightenment realism. Establishment of principles of critical realism in the early twentieth century in the Bashkir literature, creative mastery of Russian writers achievements and classical literature resulted in a more full and complete disclosure of the spiritual world of the characters. During the formative years of Soviet literature – in the 1920-1930-ies problem of reflection of the spiritual world of the people was very sharp on the agenda. In a complex, contradictory understanding of this problem played a role both objective and subjective factors.

Keywords: spiritual world of nation, psychology, the main features of national character, spiritual movement, expressive details, artistic means.

Еще с древнейших времен свои чувства, переживания башкирский народ сумел выразить оригинально и ярко: через окружающую среду, через конкретный предметный мир. В эпосе «Урал батыр», в форме кубаир славится гора Урал; с помощью ярких эпитетов, сравнений метафоризации, метонимики воссоздается красивый, могущественный образ родной земли. Этим народ выражает свои сокровенные чувства к Родине, преданность ей, готовность выступить на ее защиту. Неизменным спутником эпического героя является верный и добрый конь Акбузат, каждый раз ярко, своеобразно воспетый в произведениях; булатная сабля, с помощью которой герой уничтожает врагов; курай, через мелодию которого передаются переживания батыра, его тоска по родной земле, матери, любимой и т.д. Таким образом, в описаниях деталей, в выполняемых ими функциях, в отношении героя к

окружающим предметам косвенно отражается психология, духовный мир народа. Конечно же, искать современные формы и способы отражения душевного мира героев в фольклорных произведениях было бы неверным. Осознать свой внутренний мир, происходящие там психологические процессы древний человек еще мог. Но абсолютное отрицание наличия психологизма в произведениях устного творчества представляется нам неверным. В фольклорных произведениях выражаются основные черты национального характера: доброта, чуткость, человечность, стремление к прекрасному. Башкирский эпос несколько отличается от эпосов других народов, например, от знаменитого киргизского «Манаса» тем, что в нем меньше войн, кровопролитий, смертей, больше человеколюбия, слитности с природой, с истоками жизни. Еще в упомянутом выше эпосе «Урал батыр» отразилась яркая черта психологии народа: готовность к самопожертвованию ради счастья других, ради жизни на земле. Народный герой Урал-батыр отказал себе в живительной воде и, умирая, окропил ею родную землю. И тем самым, отказываясь от личного бессмертия, герой обессмертил свою землю, свой народ. Острая постановка идейно-нравственных проблем, бескомпромиссное решение их в произведениях М. Карима, А. Хакимова, Р. Султангареева, Д. Булякова, Н. Мусина, А. Мирзагитова и других башкирских писателей берет свое начало именно отсюда, от идеалов народа. И поэтому суровый приговор башкирок, простых тружениц, своей подруге Зухабире в драме «Страна Айгуль», уход Акъегета и Зубаржат навстречу гибели в трагедии «Ночь лунного затмения» М. Карима, изгнание Нэркэс ее сородичами в трагедии «Нэркэс» И. Юмагулова, отречение Матери от родного сына-предателя в драме «Приговор матери» А. Атнабаева, нравственный максимализм Мансура Кутушева в романе «Млечный путь» А. Хакимова, бескомпромиссность, принципиальность Азамата Бикбаева и Арслана Аргынбаева в романах «Земля, на которой мы живем» Р. Султангареева и «Жизнь одна» Д. Булякова, отражающие идеи гуманизма, эстетический идеал башкирского народа, у читателя не вызывают сомнений, эти поступки воспринимаются как должное, как проявление гражданственности, нравственности, духовности.

В фольклорных произведениях имеют место и отдельные элементы форм передачи душевных движений. Например, в эпосе «Кузы – Курпес и Маян – Хылу» можно найти зачатки показа диалектики души, сложного душевного процесса во время принятия героем важного решения. В произведении отмечаются противоречивые чувства, колебания в душе героя перед уходом за поисками своей невесты: Кузы – Курпесу жалко оставить мать одну надолго, и в то же самое время душа его безудержно тянется к Маян – хылу; показываются поведенческий и внутренний аспекты характера. Душевное состояние тоскующей по сыну Алпыши передается через ее стихотворный монолог, через обращение к кочевью. Анализ

произведений прозаического жанра показывает, что в них чаще всего душевные переживания передаются в стихотворной форме, в чем сказывается специфическая особенность поэзии в отражении эмоциональных процессов.

Поэтический материал XVIII–XIX веков продолжает и в какой-то мере развивает достижения древней поэзии в исследовании духовного процесса, воспроизводит переживания людей, испытавших на себе гнет феодального общества. Мастерски передаются душевные коллизии любящих друг друга молодых в любовной лирике. Но вклад башкирской прозы в художественную разработку воспроизведения духовной сферы народов в этот период был незначителен в силу закрепленности за эпическим родом изображения внешних событий.

Более жизненно, полно рисуется человек в произведениях просветительского реализма, так как «творческий метод этого периода по своим основополагающим идейно-нравственным установкам как бы дал заявку конкретно изображать, по меньшей мере, одну из существенных сторон психики – мыслительный процесс, без чего невозможно никакое интеллектуальное развитие» [4]. Но в этих произведениях течение мысли детально не показывается, отмечаются лишь неподвижные душевные качества. В произведениях Р. Фахрутдинова, М. Гафури, А. Тагирова, А. Исянбердина, З. Уммати умственные способности персонажей «опредмечиваются», служат, в первую очередь, дидактическим наставлениям, нравоучениям. Художественный арсенал просветительского реализма обогащается такими средствами, как характеристика окружающей среды, внутренний монолог, обращенный к самому себе, композиционно-повествовательная форма писем.

Установление принципов критического реализма в начале XX века в башкирской литературе, творческое овладение писателями достижений русской и классической литератур обусловили более полное и всестороннее раскрытие духовного мира персонажей. В этом сыграла свою роль и романтическая струя, имевшая определенное место в литературе в начале XX века. Все это привело к качественному обновлению литературы в целом, изменению подхода писателей к концепции героя, постепенному слиянию психологического анализа с социальным анализом, воссозданию противоречивого внутреннего мира социально детерминированной личности. В произведениях М. Гафури, Д. Юлтыя, А. Тагирова впервые были изображены бедные, угнетенные люди. Их поступки и внутренние переживания объяснились социальными мотивами. Для раскрытия чувств и мыслей своих героев писатели пользовались реалистическими художественными средствами: такие выразительные детали, как слезы, вздохи, кусок хлеба младенца, несущие психологическую нагрузку, портретные характеристики, монологи в несобственной прямой речи. В их произведениях возросла роль психологической детали.

В дореволюционной прозе психологизм наиболее ярко проявляется в творчестве М. Гафури. В повести писателя «Исповедь Хамита, или Лейла и моя жизнь» полнее отразилась психология национальной интеллигенции, ее духовные запросы, стремление обновить жизнь, ожидание новых перемен.

В годы становления советской литературы проблема отражения духовного мира народа очень остро стояла на повестке дня. В сложном, противоречивом понимании этой проблемы сыграли свою роль как объективные, так и субъективные факторы. Постановка перед литературой просвещенческой задачи, обусловленной общественно-эстетической потребностью времени, полностью снимала наличие психологизма в произведениях. К тому же в начале двадцатых годов в литературе наблюдалось явление аскетизма, ошибочный подход к концепции героя, что нанесло существенный урон психологизму. По этому поводу Е.Усиевич пишет: «"Нового человека" очень долгое время принято было изображать в литературе самоотверженным в борьбе и труде, героически преданным идее и чрезвычайно энергичным, но зато совершенно лишенным всех человеческих чувств, сухим, грубоватым и (это тоже было очень модно) даже физически непривлекательным. Что касается его идей – не в их общей форме, а конкретно, практически развернутых, – и его интеллектуальных свойств, то их совсем не было видно» [3]. Абсолютизация «классового признака», распространенная тенденция одностороннего изображения героев лишь в черно-белом свете, отсутствие индивидуализации, представление человека воплощением какой-нибудь одной социальной черты коснулись и башкирской прозы. Таков, например, образ начальника штаба Тагирова в повести И. Насыри «В вагоне», лишенный обычных человеческих чувств горечи, переживаний; схематический образ красного командира, активного борца за Советскую власть, но равнодушного к семье, к жене Билалова в романах «Красноармейцы», «Красногвардейцы» А. Тагирова и другие. Психологизм этого периода носил сугубо социологический характер, художественной задаче раскрытия духовного мира героев не служил. Позже Д. Юлтый писал: «...Героизм в революции, проявленный в вооруженной борьбе, породил в искусстве свои художественные краски. Тут нет личной жизни, она поглощена борьбой. Революционный энтузиазм, аскетизм, характерные в период военного коммунизма, – вот линии, свойства, присущие тем временам» [5].

В получившем в 1920-е годы интенсивное развитие лиро-эпическом жанре нэсэр, в котором плодотворно работали С. Кудаш, Ш. Фидаи, Б. Ишемгулов, Д. Юлтый, Т. Янаби, И. Насыри, А. Карнай, выражались бурные чувства, иногда слишком чрезмерные, абстрактные, пространственные излияния взволнованной души лирического героя. Но хотя нэсэры основывались на эмоциях, составляющих один из аспектов нашего исследования, в этом жанре находили место лишь не конкретизированные чувства, «чувства без образов» [1].

Начиная со второй половины двадцатых годов, в советской литературе обозначались качественные изменения. Уже в 1923 году был издан роман «Чапаев» Д. Фурманова, в 1924 – «Города и годы» К.Федина и «Барсуки» Л.Леонова, а в 1926 – «Разгром» А. Фадеева, которые наметили мощную тенденцию к углубленному психологизму, успешно решили задачу раскрытия потаенных пружин внешнего поведения героев, сочетания социального анализа с психологическим анализом. И в башкирской прозе, благодаря овладению достижениями русской и всей многонациональной советской литературы, появляются первые произведения, претендующие на психологическое мотивирование поступков героев, на постижение их внутреннего мира. «Философия Тимеркая» (1924), Д. Юлтыя, «Чернолик» (1926) М. Гафури в психологическом плане осветили трагическую судьбу героев до революции. В романе «Кровь» (1931) Д. Юлтыя, в повести «Ступени жизни» (1931) М. Гафури была сделана попытка более глубокого раскрытия образа большевика, сознательного борца революции. Впоследствии башкирская литература, освобождаясь от автобиографичности, фактографичности, описательности, последовательно двигалась к художественности, к эстетической выразительности, насыщенности к углублению познания человека.

Обозначенную в 30-е годы в советской литературе тенденцию показа эстетики социалистического труда, изображения процесса пробуждения самосознания народа, художественного раскрытия различных граней характера рабочего и колхозника (например, в таких произведениях, как «Поднятая целина» М. Шолохова, «Соть» Л. Леонова, «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Люди из захолустья» А. Малышкина), изучение социальной психологии личности, ее сущности можно обнаружить и в башкирской прозе. В повестях «Сибай», «Побежденный омут» И. Насыри через драму отдельных индивидов психологически убедительно показывается, как под воздействием коренных факторов социалистической действительности, новых общественных отношений происходят качественные изменения во внутреннем мире человека. Писатель сумел показать движения души персонажей, происходящие в результате динамичной внутренней борьбы, противоречивых взглядов, победы в них положительных начал. В этих произведениях психоанализ сочетается с эпическим развертыванием событий, получается синтез психологического и эпического. А повесть С. Агиша «Честь по чести», написанная в эти годы, углубила понимание эстетического значения психологизма применительно к отрицательному герою наряду с такими произведениями советских писателей, как «Траансваль» К. Федина, «Поднятая целина» М. Шолохова.

Если в произведениях 30-х годов психологический анализ стал эстетически действенным средством раскрытия духовного мира героя, последовательного реалистического восприятия

и изображения человека, художественные средства были подчинены индивидуализации характера, то в годы Великой Отечественной войны развивались в основном лирико-публицистические жанры, не претендовавшие на развернутый психологизм, на глубокую психологическую аргументированность поступков. И в 1950-е годы наблюдался отход от литературы завоеванных позиций в постижении глубин человеческой жизни. Теория бесконфликтности породила слабость психологической мотивировки, искусственное обеднение душевной жизни персонажа. Роман Х. Давлетшиной «Иргиз», написанный в 40 – 50-е годы, по имеющимся определенным объективным причинам (автор стала жертвой сталинских репрессий), оказал свое мощное влияние на литературный процесс только в 1960-е годы. В характере главного героя – Айбулата, пастуха, выходца из бедной крестьянской семьи, сумевшего подняться до понимания классовой сущности капиталистического строя, ставшего одним из политических руководителей своего народа в революционной борьбе, писательница стремилась передать и общечеловеческие черты, и национальные особенности, органически вплести и типическое, общее и индивидуальное, социальное и психологическое.

Таким образом, художественные отражения духовной сферы были различными на разных этапах художественного сознания народа, зависели от определенных общественно-эстетических потребностей времени и задач, стоящих перед литературой, от особенностей художественного видения писателей.

В 1960-1970-е годы в башкирской прозе принципы создания образов претерпели кардинальные изменения, в силу произошедших качественных изменений во всей многонациональной советской литературе, вызванных переменами самой действительности. Изменились принципы создания образов, метод подхода к изображаемому явлению. Рост жанра башкирского романа в эти годы обозначен в истории литературы как качественный рост «от романа темы к роману характеров» [2]. Благодаря применению прямой формы психоанализа, литературе стало доступным непосредственное проникновение в процессы внутренней жизни персонажа. Внимание писателей начало сосредоточиваться на постоянном, детальном воспроизведении душевных движений героев.

Список литературы

1. Вахитов А.Х. Когда раздвигаются горизонты. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1979. – С. 29.
2. Вахитов А.Х. Закономерности жанрово-стилевого развития башкирской прозы. – Уфа: Китап, 2007. – С. 375.

3. Усиевич Е. Традиции и писателя и литературный герой // Литературный критик. – 1936. – № 1. – С.5.
4. Хатипов Ф. Духовный мир героя. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1981. – С.15.
5. Юлтый Д. О гегемонии новых литературных приемов // Октябрь. – 1931. – № 2-3. – С.45.
(На башк. яз.)

Рецензенты:

Кунафин Г.С., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой башкирской литературы, фольклора и культуры факультета башкирской филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа.

Идельбаев М.Х., д.фил.н., профессор кафедры башкирской литературы, фольклора и культуры факультета башкирской филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа.